

Что-то в этой сказке не сложилось

Стихотворения

* * *

Бирюзовый, жавороний
край пшеничный. Грай вороний.
Край берестяной, полынный –
дух сосновый, сказ былинный.

По тебе ли кони скачут?
О тебе ли ветры плачут?
Край барсучий, край сорочий,
ты ль мне видишься воочью?

Ты ль мне радугой приснишься?
Ты ли Словом возродишься?
Ты ль стоишь в моём окне,
надрывая сердце мне?

В картонном домике твоём...

В картонном домике твоём
жизнь протекает понарошку.
Но если сильно топнуть ножкой,
то рухнет тумбочка с бельём.

Так рухнет, грянет, как оркестр
струящейся токкатой Баха.
А я сажу в твоей рубахе.
И ни одной души окрест.

Фанерный дирижёр – трельяж
пространство делит на три части,
где трижды мы, смеясь от счастья,
Лозанну пьём, жуём грильяж.

Но жухнет время, как букет,
и осыпается извёсткой.
Трещит по швам уют неброский.
Скрипит, как палуба, паркет.

Пока ещё в руке рука.
Но в подполе – ты слышишь, слышишь? –
скребутся плошевые мыши:
никак готовятся в бега?

Лишь мы, два битых воробья,
чирикаем так беспечально
про дом на камне, берег дальний,
откуда родом ты и я.

* * *

А мне, должно быть, это снится.
Когда успела я уснуть?
Летает человек, как птица,
над улицею Красный путь.

Что за нелепость? Что за
штуки?
Раскинув худенькие руки.
Пытаясь облако обнять...
Пытаясь дрожь в груди унять...

У пальтеца распахнут ворот.

Внизу лежит огромный город:
из труб и трубок дым пускает,
многотиражки выпускает,
сто книг поваренных листает...

А человек себе летает!
Пытаясь облако обнять...
Пытаясь дрожь в груди унять...

А я люблю его и плачу,
кричу... И – ничего не значу!
Руками голыми мотаю,
но – бесполезно. Не взлетаю!

Мне это снится, снится, снится!
Не может человек, как птица!
Чего он, в самом деле, хочет?
Кому он голову морочит?
Пусть перестанет, наконец!

Но он ныряет в синих складках.

А из распоротой подкладки,
из распоровшейся подкладки,
летит на землю
леденец.

* * *

На улице Воронина
шумят, кричат вороны. На
все четыре стороны
верчу я головой.
Деревья машут ветошью –
богатой нищей роскошью –
и в девушку продрогшую
кидаются листвою.

На улице Воронина
мной счастье проворонено,
монеткою обронено –
ты слышишь – звяк да стук.
Звенит, стучит под каблуком
и убегает молоком,
и взбитым в пену облаком
плывёт, плывёт на юг.

Ах, улица короткая!

Квартал, другой и поворот.
А там пустырь и «воронок»,
и редкий пешеход.
В туман уходит лестница.
Дома как будто без лица.
И только выход светится.
И кем-то заперт вход.

* * *

Европа – смешное название
степной азиатской душе.
Прости, но я знаю заранее,
что нам не сродниться уже.

Здесь так же бушует ольшаник,
и так же зарянка поёт.
Но край тот, другой, как ушкуйник,
покая нигде не даёт.

Что там я такого забыла,
чего здесь не будет и нет?
Под старой скамейкой зарыла
какой-то нехитрый секрет:

стеколышко, фантик, листочек...
Никак мне его не отрыть.
Захлопнулся ржавый замочек.
Никак мне его не открыть.

* * *

Еду, еду я в вагоне,
ах, в вагоне номер семь!
Поезд мчится, поезд гонит.
Безвозвратно. Насовсем.

Поезд мчится, словно птица.
Подстаканник дребезжит.
Снегом рада бы укрыться,
за окошком степь лежит.

Среднерусская равнина
проплывает, не спеша.
Ах, гуляй, моя рванина,
рваным-рваная душа!

Ты гуляй под мат и топот,
ропот, грохот, стук колёс!
Вспоминай осоки шёпот,
речку, берег, тихий плёс.

Вспомни... Что? Да что угодно!
Бликов солнца кружева.
Там, где ты была свободна.
То, где ты была жива.

* * *

Лишь созвездий многоточья
вспыхнут над рекой,
заплыву глубокой ночью,
ой, как далеко...

Где в глухих водоворотях
крутится песок,
где за дальним поворотом

лес шумит, высок.

Где ни птичьей, ни звериной
не видать души.
Лишь в запруде комариной
шепчут камыши.

Унесёт меня рекою,
унесёт от бед.
Ты по берегу за мною
побежишь вослед.

Вздрагнет дерево ночное
чёрною листвою.
По ногам хлестнёт густою
мокрою травой.

Я прощу тебе обиду,
милым назову.
Я к тебе на берег выйду.
Если доплыву.

Сказка

Что-то в этой сказке не сложилось...
Хоть и начиналось, будто сон!
Конь скакал. И радуга стелилась
под копыта. Полям ехал он –

ехал принц. Свивался ветер в стружку.
Искры сыпал кованный металл.
Холмики, озёра и речушки,
как на крыльях, он перелетал.

Ехал принц. Уж было недалечко.
В догонялки бегала луна.
И тихонько таяло сердечко
у принцессы, ждущей у окна.

Заплетались хитро арабески
на жаккарде палевых портьер...
Ехал принц, леском и перелеском,
рысью, и галопом, и в карьер.

Пух взбивали. Пол воцили в зале.
Мажордом заказывал обед.
У окна весь день она стояла,
и всю ночь, и год... и сотню лет.

Только не сошёлся дебет-кредит...
Мухами засижено окно.
И какой дорогой принц проедет,
стало той принцессе всё равно.

